

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

★
СПЕЦНАЗ
ГРУ

Инструктор

по убийству

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Инструктор по убийству / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-04-105085-6

У бывшего полковника ГРУ Виктора Кукушкина и криминального авторитета по кличке Боб старые счеты. В свое время Боб даже пытался устранить Виктора с помощью киллера. Тогда спецназовцу удалось перехитрить бандита. Теперь авторитет готовит компромат на полковника, чтобы упрятать того за решетку. Но и Кукушкин не сидит сложа руки. Он узнает, что Боб охотится за сильным психотропным веществом, способным вызвать у человека буйное помешательство. Полковник решает с помощью этого препарата заманить противника в ловушку. Но детально продуманный план неожиданно дает сбой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С. В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105085-6

ГЛАВА 1

На следующий день после захвата двух помощников уголовного авторитета с погонялом Боб мне предстояло выйти на службу. Естественно, я вынужден был съездить домой, чтобы взять с собой спортивную форму. Так уж вышло, что в последний раз мне было совсем не до этого. Тогда я как раз отправлял вертолетом в областную больницу раненую Тамару, мою жену. И состояние духа было неважное, и дом был полон посторонних людей, при которых мне не хотелось копаться в своем тряпье, выбирать что-то относительно подходящее.

Ну а на сей раз я выбрал синее кимоно, застиранное до состояния тонкой ткани, хотя когда-то она была плотная, местами даже простеганная стараниями Тамары, захватил с собой старые, привычные кроссовки и перчатки для смешанных единоборств. Из снарядов взял с собой только легкие гантели и резиновый бинт, запихал все это в спортивную сумку, с которой ходил на тренировки еще во времена службы в бригаде спецназа.

Туда же я уложил и боевой нож в ножнах. К сожалению, в сознании большинства людей, включая отдельных представителей спецназа, понятие «боевой нож» сформировалось под влиянием знаменитого ножа Рембо из нескольких американских боевиков. Но таким оружием в реальной боевой обстановке можно пользоваться только одним способом: надо бросить его в противника и ухитриться попасть рукояткой ему в лоб. Для настоящей схватки такая штукавина не годится.

Это обыкновенный нож выживания. Он даже пилу имеет в обухе. Я вполне могу себе представить, какие усилия следует приложить, чтобы, во-первых, воткнуть такой нож в противника, во-вторых, вытащить его для участия в дальнейшей схватке. Та самая пила на обухе не позволит это сделать.

Настоящий боевой нож должен быть, во-первых, легким и управляемым, во-вторых, обоюдоострым, хотя это тоже на любителя. А главное, он просто обязан быть очень острым.

Школа ножевого боя, адептом которой я являюсь, предпочитает множественные режущие удары вместо колющих, а основательный порез можно нанести только предельно острым ножом. Но само владение ножом в нашей школе основано на стиле вин-чун, то есть на максимальной защите и стремительном ответе на любую атаку. При этом нож должен быть как раз легким и хорошо управляемым.

А вопрос техники владения таким ножом я собирался объяснить тем людям, с которыми мне предстояло заниматься. Но обучение их, как я планировал, не должно было сводиться исключительно к рукопашному бою, хотя взяли меня как раз на должность инструктора по этой самой части. Я поставил себе задачу обучить офицеров спецназа ФСБ всем основам боевых действий.

Признаться, я чувствовал себя на своем месте, когда командовал разведротой. А когда с повышением в звании был переведен на штабную должность начальника отдела испытаний перспективных видов вооружения и оборудования, попросту скучал без солдат, которых раньше обучал. Поэтому, наверное, я и внес кое-какие изменения в работу этого отдела. Новое вооружение и оборудование теперь испытывалось в боевых условиях солдатами бывшей моей роты в моем присутствии. То есть я часто выезжал вместе с бойцами на самые настоящие боевые операции, если роте доводилось в них участвовать.

В итоге мне уже в штабной должности пришлось пять раз отправляться в полугодовую командировку на Северный Кавказ. И если раньше я бывал в основном в Чечне, то теперь мне пришлось посетить практически все республики Северного Кавказа, хотя чаще всего работать доводилось в Дагестане.

Все эти новинки носили экспериментальный характер и требовали испытаний в реальных

боевых условиях. Предназначались они, естественно, и солдатам, и офицерам. Разница состояла лишь в том, что офицерам изначально приходилось проходить курс обучения, а потом что-то объяснять солдатам.

С офицерским составом занимался я, поэтому был обязан прежде всего до малейших деталей изучить любую новинку, чтобы ответить на все вопросы, которые могут возникнуть во время испытаний. А кто лучше человека, лично работающего с той или иной штуковиной в условиях реального боя, может дать ей объективные характеристики, понять, что сделано так, а что следовало бы изменить?!

Мой предшественник на этой должности сам в командировки не ездил. Он по возвращении подразделения просто проводил опрос солдат и офицеров, использовавших новинки в деле.

На мой взгляд, это была порочная практика. Поэтому предшественник и был смнен.

Конечно, порой случается, что сразу после завершения той или иной операции подразделение возвращается в бригаду. Но это вовсе не есть устоявшаяся система. Чаще бойцы ждут, когда прилетит смена, и только потом уже отправляются на свою базу. Иногда это продолжается неделю, а то и больше. За это время что-то важное может забыться, что-то, что казалось сначала неудобным, потом перерастает в привычку. Но любое оружие изначально соз-

дается так, чтобы его можно было использовать любому человеку и при этом не испытывать особых неудобств.

Исходя из подобных предположений, я находился рядом с солдатами во время всех испытаний, собирал их отзывы и замечания, записывал пожелания, чтобы потом все это рассортировать, внести в дневник и отправить производителю. А еще более ценным, как мне казалось, было мое личное мнение. Может, это и выглядит слегка самонадеянно, но я со своим боевым опытом мог понять больше, чем рядовые солдаты. Поэтому я обычно сам принимал участие в испытаниях. Это казалось мне естественным, совершенно обязательным делом и сказывалось при заполнении дневника испытаний. Командирам взводов и рот приходилось полегче. Они обязаны были писать просто отзывы. Я их сортировал, анализировал, заносил в дневник самое важное, но этим не ограничивался, сами отзывы тоже прикладывал к дневнику.

Но любые испытания всегда начинались с ознакомления с предметом, то есть с теоретического курса, который я читал сам. Только дважды в моей практике случалось, что от производителя приезжал человек, который сам этим занимался и ставил задачи. Но несравнимо чаще это приходилось делать мне. Поэтому опыт преподавания я имел и надеялся привнести что-то свое в подготовку бойцов спецназа ФСБ.

Я собрал в сумку все необходимое, уже приготовился выйти из дома, когда в кармане заголосил телефон. На этот номер мог звонить только один человек.

Мне пришлось задержаться и ответить:

— Слушаю вас, товарищ полковник!

— Как настроение, Виктор Вячеславович?

— Боевое.

— Уже наслышан про твои утренние подвиги. Полковник Альтшулер отправил донесение в Москву, в котором весьма лестно отозвался о твоих действиях. Собственное сообщение послал наверх и подполковник Балакирев, но оно ушло шифротелеграммой, потому мы не смогли его прочитать, хотя имеем текст.

— Что, даже лейтенант Холмогорский не в состоянии такую работу выполнить? — с легкой издевкой в голосе спросил я, помня, как гордится полковник Самохин мастерством своего хакера.

— Не может, — мрачно ответил тот.

Я и сам отлично знал, что современные коды расколоть практически невозможно. Солидные многоэтажные центры, набитые по всем стенам шкафами с вычислительной техникой, могут что-то разобрать только в том случае, если при шифровании текстов допускаются серьезные нарушения. Хотя эти заведения, к счастью собственных сотрудников и своего командования, относительно легко справляются с кодограммами, имеющими значитель-

но более слабую систему защиты, и уже этим окупают собственное содержание.

Тут надо сказать, что в армейской системе кодограммами отправляются документы, имеющие гриф не выше, чем «Секретно». Бумаги с грифами «Совершенно секретно» и «Особой важности» высылаются только шифротелеграммами. Но большая часть документации имеет низший гриф секретности, поэтому кодограммы используются значительно чаще.

Знал все это и полковник Самохин. Он просто не мог этого не ведать, поскольку в годы своей службы в спецназе ГРУ занимал более высокую должность, чем я. Но я понял, что серьезность его тона была вызвана моими словами о лейтенанте Холмогорском. Хотя у меня и в мыслях не было принизить заслуги этого офицера. Я и сам совсем недавно с успехом пользовался его умением.

— Я вот что звоню. — Валентин Юрьевич в очередной раз показал свою покладистость, решил не углублять тему, которую посчитал для себя болезненной, и перешел на другую.

— Слушаю вас, товарищ полковник.

— Ты как сейчас, не за рулем, не в дороге? Можешь разговаривать?

— Я еще дома. Только на выход собрался. Говорите. Слушаю вас.

— Завтра ты приступаешь к новой для себя работе.

— Так точно, товарищ полковник. В девять тридцать утра первая группа, в одиннадцать тридцать — вторая.

— Так у тебя две группы будет? Откуда они людей-то наберут?

— Полковник Альтшулер сказал, что сотрудники оперативного отдела заинтересовались такой возможностью. А я сам настоял, чтобы всех разбили на две группы. Мне так легче будет за бойцами следить, оценивать, кто как задание выполняет.

— Я вижу, ты серьезно за дело взялся. — В голосе полковника Самохина прозвучал укор.

— Я, товарищ полковник, к любому делу, порученному мне, отношусь только с полной серьезностью. Иначе просто не умею. Я с детства человек ответственный.

— Да, Виктор Вячеславович. В этом наша с тобой беда. Тебе приходится обучать людей, которые призваны тебя отлавливать. Выходит, что ты готовишь своих потенциальных противников, а делать это ты умеешь только на совесть, хотя их серьезная квалификация представляет опасность для тебя самого. Я понимаю, что и для настоящих врагов тоже, тем не менее это вполне может аукнуться и тебе самому. Ты настоящий профессионал, не способный относиться к делу с прохладцей. Этого я и опасаясь, хотя в твоих качествах не сомневаюсь нисколько.

— Я отлично понимаю, товарищ полковник, что ко мне будут присматриваться очень даже внимательно. Я теперь буду под боком у этих оперов, и им будет нетрудно заметить что-то, в чем я, как они надеются, проколюсь. Только я-то себя знаю, умею быть в нужные моменты особенно сильно сконцентрированным и промаха не допущу.

— При этом полковнику Альтшулеру рекомендуют взять тебя под особый присмотр еще с одной стороны. Опера ФСБ из команды офицеров, убитых уголовниками, уверены в том, что ты будешь плохо тренировать спецназ. Именно потому, что они тебя думают ловить. Правда, по моим данным, Альтшулер от такого предложения просто отмахнулся. Более того, он даже высказал мысль, что готов тебя привлечь к оперативным мероприятиям. Вот это было бы совсем неплохо, как я соображаю. Конечно, сначала к тебе присмотрятся, и если сочтут достойным, то, я думаю, слова Альтшулера станут вполне реальными. У нас, признаюсь, есть несколько своих людей в ФСБ. Но от оперативной деятельности они весьма даже далеки, технические специалисты. А иметь своего человека в оперативном отделе — это было бы здорово.

— Это было бы здорово, — согласился я довольно кислым тоном.

— Если только ты не надумаешь полностью перейти на сторону ФСБ, — строго сказал Валентин Юрьевич.

Он словно пожелал напомнить мне о том, что я пусть и отставной, но все же офицер военной разведки, которая традиционно не дружила ни с КГБ, ни с его преемницей в лице ФСБ. А сотрудничество с ФСО — это только маленький эпизод работы пенсионера. Временный, так сказать.

Я готов был с этим согласиться. Когда нам приходилось работать против внешнего врага, скажем, какой-то банды исламистов, прибывшей с Ближнего Востока или из Афганистана, мы часто объединяли силы с ФСБ и МВД. Внешний враг — он и есть внешний. А все внутреннее — это только межведомственные разборки.

Кроме того, я должен был помнить и еще одну вещь. Что рекомендовали меня для трудоустройства именно в головной службе ГРУ. Там отнеслись ко мне как к своему сотруднику, хотя и бывшему, но все-таки. Значит, в ГРУ меня еще не списали со счета совсем.

— Нет, не надумаю, товарищ полковник, — ответил я твердо.

ГЛАВА 2

В этот раз по пути в город я управлял машиной до безобразия прилично, думал даже, что при таком передвижении рискую от скуки заснуть за рулем и на самом легком повороте попросту вылететь с высокой насыпной дороги. Но засыпать мне не позволяло чувство ответственности. Если бы со мной что-то случилось, то трудно сказать, как смогла бы выжить моя жена. Тамаре требовался обязательный уход, который кроме меня никто не мог обеспечить.

Как только я успел добраться до асфальтированного шоссе, мне позвонил Алексей Алексеевич Мягков, наш куратор. Обычно он этого не делал, но на сей раз решил нарушить свое правило. Причина у него была достаточно серьезная — состояние здоровья Тамары.

— Спасибо. Вашими заботами она старается поправиться, — ответил я на его вопрос об этом.

— Это ты о чем? — настороженно спросил куратор.